

DOI: 10.31857/S013038640014269-3

© 2021 г. **В.В. НАУМКИН**

ТУРЕЦКО-АРАБСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ В ХИДЖАЗЕ И НЕДЖДЕ И РОССИЯ В НАЧАЛЕ XX века (по данным российской дипломатии и военной разведки)

Наумкин Виталий Вячеславович — действительный член РАН, научный руководитель Института востоковедения (ИВ) РАН, руководитель базовой кафедры ИВ РАН в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» (Москва, Россия).

E-mail: vinaumkin@yandex.ru

Researcher ID: R-9576-2019; ORCID: 0000-0001-9644-9862

Аннотация. Статья посвящена анализу сложных и временами напряженных отношений между турецкими властями и арабским населением двух входящих в Османскую империю областей Аравийского полуострова — Хиджаза (Западная Аравия) и Неджда (Центральная Аравия) в конце XIX — начале XX в., а также деятельности российских дипломатов и военных разведчиков в этих областях. Статья основана преимущественно на малоизвестных документах из Архива внешней политики Российской империи, Российского государственного военно-исторического архива и некоторых зарубежных хранилищ. Отмечается, что в рассматриваемый период как бедуинские племена, так и городские нотабли неоднократно поднимали восстания против турецкого господства, которые подавлялись военной силой. Турецко-арабские отношения, в особенности турецкие военные экспедиции в аравийских областях, были объектом пристального интереса российской дипломатии, а также разведки с учетом возможности военного столкновения между Россией и Турцией. Сотрудники, основанного в 1890 г. российского консульства в Джидде, перед которыми стояла задача изучать использование турецкими властями паломничества для оказания влияния на приезжавших в Хиджаз российских мусульман, подвергались опасностям, грозившим их жизни и здоровью. Политику Великобритании в этих областях они оценивали как направленную на дестабилизацию обстановки, что подтверждает налаженная контрабанда оружием, которое шло местным племенам. В столице Российской империи внимательно следили за действиями Константинополя. В статье показано влияние на российскую политику в регионе различия во взглядах и симпатиях высокопоставленных чиновников, руководивших различными ведомствами Российской империи.

Ключевые слова: Главный штаб, военная разведка, племена, восстание, хадж, Шариф, Османская империя.

V.V. Naumkin

Turkish-Arab Confrontation in the Hijaz and Nejd and Russia in Early 20th Century (According to Russian Diplomatic and Military Intelligence Sources)

Vitaly Naumkin, Academician of the Russian Academy of Sciences, President of the Institute of Oriental Studies (IOS) Russian Academy of Sciences, Head and Chair of the IOS at the National Research University "High School of Economics" (Moscow, Russia).

E-mail: vinaumkin@yandex.ru

Researcher ID: R-9576-2019; ORCID: 0000-0001-9644-9862

Abstract. Through the lens of its analysis, the article reveals the most entangled relationships, reaching the highest degree of tension at times, between the Turkish authorities and the Arab people inhabiting two regions of the Arabian Peninsula, incorporated into the Ottoman Empire — the Hejaz (West Arabia) and Najd (Central Arabia) — in the late 19th — early 20th centuries. It also sheds light on the activities undertaken by the Russian diplomats and military intelligence officers seeking to establish more details about the situation in those regions. The article is primarily based on a body of little-known documents stored in the records of the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire and Russian State Military-Historical Archive, as well as some archives outside Russia. It is shown that within the period in question, both the Bedouin tribes and the urban notables rose in rebellions against the Turkish stranglehold, that were suppressed with military force. The Turkish-Arab relationships, especially the Turkish military expeditions into the Arabian regions, were the focus of intense interest of the Russian diplomacy, as well as military intelligence, given the possibility of an armed conflict between Russia and Turkey. Staff members of the Russian consulate in Jeddah, founded in 1890, who were entrusted with the task of gaining knowledge on the use of pilgrimage by the Turkish authorities to influence the Russian Muslims who arrived in the Hejaz, were exposed to dangers that threatened their lives and health. They assessed the British policy in these areas as aimed at destabilizing the situation, given the smuggling of arms destined for the local tribes. The author also looks at the way how the difference in visions and preferences among the high-ranking Russian officials, in charge of various departments within the Russian Empire, impacted the Russian policies in the area.

Keywords: Main Headquarters, military intelligence, tribes, insurgency, Hajj, Sharif, Ottoman Empire.

ВВЕДЕНИЕ

В XVI в. Османская империя завоевала большую часть арабского мира. При султанах Селиме I Явзузе Грозном (1512–1520 гг.) турки присоединили к уже захваченным областям Аравийского полуострова область Хиджаз с двумя священными городами ислама — Меккой и Мединой. Она получила статус эялета, затем вилайета Османской империи (административно-территориальная единица высшего, первого уровня во главе с вали, или губернатором, назначаемым султаном). В Мекке располагалась резиденция эмира, т.е. управителя главного города вилайета. Этот пост занимал старейшина клана шарифов — потомков пророка Мухаммада¹, считавшийся одновременно духовным главой всех мусульман Хиджаза, причем его авторитет признавался и далеко за пределами вилайета.

В данной статье на основе преимущественно еще не введенных в научный оборот материалов из Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) и Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) с привлечением отдельных документов из зарубежных хранилищ рассматривается период конца XIX — начала XX в., в особенности — 1904–1907 гг. В эти годы и в Хиджазе, и Неджде (область в центральной части Аравии), равно как и в Йемене, вспыхивали новые массовые восстания местного населения против турецкого господства. В Хиджазе к этому времени уже действовало расквартированное в г. Джидда российское императорское консульство, основанное в 1890 г.² В середине первого десятилетия XX в. Россия уделяла особое внимание этому региону, являвшемуся центром притяжения для всех мусульман, в связи с осложнением внутривосточной ситуации в стране, вызванным

¹ В тексте, в отличие от других членов клана, он будет именоваться Шарифом.

² В доверительной инструкции русско-императорского посла в Константинополе действительному статскому советнику Шагимардану Ибрагимовичу Ибрагимову, назначенному первым консулом России в Хиджазе, сообщалось, что цель учреждения консульства состояла «преимущественно в покровительстве нашим паломникам, ежегодно в значительном числе отправляющимся на поклонение мусульманским святыням в Мекку и Медину». — АВПРИ. 1891 г. Ф. Турецкий стол. Оп. 502 «Б». Д. 3312. Л. 4–5.

опасным для монархии ростом самосознания российских мусульман³, событиями русско-японской войны 1904–1905 гг. и русской революции 1905–1907 гг. В эти же годы Россия выстраивала союзнические отношения с Францией и Великобританией, увенчавшиеся созданием Антанты, что одобряли не все представители правящей элиты, среди которых были и сторонники прогерманской ориентации. Внутриполитическая ситуация в арабских провинциях Османской империи была объектом интереса Петербурга также и в свете подготовки к возможной войне с турками. Как свидетельствуют использованные в статье документы, в столице Российской империи внимательно следили за действиями Константинополя, как тогда продолжали называть столицу Османской империи⁴.

ТЯГОТЫ СЛУЖБЫ РОССИЙСКИХ ДИПЛОМАТОВ В ДЖИДДЕ

С открытием консульства в Хиджазе российские дипломаты в этом портовом городе получили возможность непосредственно наблюдать, как складывались отношения турок с местным населением и какова была ситуация с паломничеством из Российской империи и ее протекторатов к мусульманским святыням, подробно информируя об этом Петербург. Работать здесь было трудно не только из-за ужасной жары, отсутствия бытовых удобств и плохих санитарных условий. Служба была еще и небезопасной, а для некоторых дипломатов складывалась драматически. Так, 18 мая 1895 г. на секретаря русского императорского консульства в Джидде, исполнявшего в отсутствие консула обязанности управляющего, титулярного советника⁵ Г.В. Брандта, и группу сотрудников других консульств (двух англичан — консула Ричардса и вице-консула — врача, уроженца Индии и мусульманина по вероисповеданию Абдурраззака, а также французского драгомана Дорвилля и слугу английского консула) во время их регулярно совершаемой совместной прогулки в лунный вечер напали бедуины. Докладывая депешей о деталях происшествия в Петербург вслед за инцидентом, российско-императорский посол в Константинополе А.И. Нелидов⁶ сообщал из Буюкдере⁷, что в тот день к консулам приблизились восемь бедуинов, которые, как неполиткорректно по нынешним временам выразился посол, «оказались неграми, но вел их араб». Они с нескольких метров начали стрелять по отдыхавшим из револьверов, после чего убежали и, сев на верблюдов, скрылись. Брандт получил ранение в щеку навывлет, английский вице-консул был убит (причем его, уже мертвого, за пару часов обобрали бродившие по окрестностям бедуины), французский драгоман ранен, другие ранены или контужены. Посол считал, что это не был простой грабеж. Хотя Шарифу были известны имена нападавших, он, в ответ на приказание задержать их, «заявил, что опасается противодействия весьма раздраженных кочевых племен и беспорядков, пока там еще проходят поклонники, за безопасность коих он ответственен»⁸. 15 бедуинов были сразу же задержаны, но ненадолго.

³ Показательно, что в инструкции говорилось: «Нам важно знать, какое влияние имеет поездка в Мекку и Медину на миросозерцание мусульманских народов вообще, в особенности в политическом отношении, а также и какое значение имеет при этом для них принадлежащее султану звание халифа, т.е. вождя правоверных». — Там же. Л. 8 об.

⁴ Это название употреблялось вплоть до 28 марта 1930 г., когда город был официально переименован в Стамбул.

⁵ Гражданский чин 9-го класса «Табели о рангах», соответствовавший военным чинам штабс-капитана пехоты и лейтенанта флота.

⁶ *Нелидов, Александр Иванович* (1835–1910) — известный русский дипломат, действительный тайный советник с 1896 г. (гражданский чин 2-го класса «Табели о рангах»), соответствовавший военным чинам генерала рода войска, т.е. полного генерала, в армии и адмирала во флоте), советник посольства России в Турции в 1874–1877 гг., посол в 1883–1897 гг. Был противником прогерманской ориентации министра иностранных дел Н.К. Гирса (1882–1895 гг.), выступал за союз с Францией, раздел Османской империи и овладение Россией проливами Босфор и Дарданеллы.

⁷ Буюкдере — селение на европейском берегу Босфора, недалеко от его соединения с Черным морем, где были расположены летние резиденции европейских послов, в том числе российского.

⁸ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 778. Л. 23–24.

Тогда же, 19 мая, обеспокоенный посол в секретной телеграмме временно исполняющему обязанности министра иностранных дел Н.П. Шишкину⁹ прогнозировал обострение ситуации и предлагал весьма радикальные меры реагирования: «Очень желательна немедленная посылка в Джидду военного судна, хотя бы “Кубанца”. Но так как, ввиду возбуждения мусульманского фанатизма вообще, можно опасаться беспорядков и в других местах, то надо быть готовыми к возможной необходимости защиты христиан, а равно и к иноземному, особенно английскому, вмешательству»¹⁰. То ли посла охватила паника, то ли он увидел повод обострить отношения с турками, лелея давнюю мечту о захвате проливов, но идея отправить в Джидду военное судно под предлогом защиты христиан выглядела довольно авантюрно. Не случайно уже 24 мая управляющий морским министерством Н.М. Чихачев¹¹ в письме министру иностранных дел А.Б. Лобанову-Ростовскому¹² подверг критике предложения и прогнозы Нелидова (копия телеграммы была Чихачеву переправлена). Адмирал писал, что командирование канонерской лодки в Красное море для министерства не проблема, но это «будет сопряжено с большим риском для здоровья команды, так как в тех местностях наступило время чрезвычайных жаров». Кроме того, судно, которому пришлось бы стоять на якоре в двух верстах от города, имело малочисленный экипаж (170 человек) и мало орудий, поэтому «ни высадке десанта, ни бомбардированию с нашей стороны город не может быть подвергнут», и даже если туда отправят свои корабли другие государства, русское судно заведомо не сможет «произвести сколь-либо нравственное влияние на арабов»¹³. Судно, к счастью, не послали.

Брандт сначала был помещен в посольскую больницу в Константинополе, где его консультировал приглашенный для этого лучший турецкий хирург Кумбуроглу. Опасности для жизни дипломата не было, но ему предстоял ряд операций, в том числе по протезированию пробитого нёба и раздробленной верхней челюсти, для чего посольство отправило его в Египет. Проявляя похвальную заботу о пострадавшем на службе подчиненном, посол в депеше от 8 июня ходатайствовал, чтобы тот помимо вознаграждения от турецкого правительства получил бы еще «от щедрот монарших... вспомоществование в виде единовременного пособия или пожизненной пенсии для облегчения содержания его довольно многочисленной семьи»¹⁴. Что касается вознаграждения от турецкого правительства, то, как информировал в депеше от 7 июня Петербург советник посольства В.В. Жадовский, оно передало для Брандта денежную компенсацию в размере 200 тыс. фр.¹⁵ Этот инцидент дает полное представление об опасностях, подстерегавших

⁹ *Шишкин, Николай Павлович* (1830–1902) — с 1853 г. служил в Азиатском департаменте МИД, с 1891 г. — товарищ (заместитель) министра, с 14 января 1895 г. временно исполнял обязанности министра, с 19 августа 1896 г. по 1 января 1897 г. — министр иностранных дел, действительный тайный советник, с 1897 г. — член Государственного совета.

¹⁰ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 772. Л. 4.

¹¹ *Чихачев, Николай Матвеевич* (1830–1917) — адмирал (1892 г.), генерал-адъютант Александра III (с 1893 г.), государственный деятель. Участник Амурской экспедиции Г.И. Невельского (1851–1853 гг.), служил на кораблях, в 1862–1876 гг. — директор — распорядитель Русского общества пароходства и торговли, в 1876–1884 гг. — начальник морской обороны в Одессе, в 1884 г. — начальник Главного морского штаба, затем исполняющий обязанности управляющего, в 1888–1896 гг. — управляющий морским министерством, с 1896 г. — член Государственного совета.

¹² *Лобанов-Ростовский, Алексей Борисович* (1824–1896) — русский дипломат, государственный деятель, из рода Рюриковичей, действительный тайный советник с 1879 г., в 1856–1858 гг. — советник, в 1858–1859 гг. — поверенный в делах, затем чрезвычайный посланник и полномочный министр (до 1863 г.) в Константинополе, потом губернатор, товарищ министра внутренних дел, вернулся в МИД в 1878 г., посол в Константинополе до 1879 г., посол в Лондоне и Вене, министр иностранных дел с 26 февраля 1895 г. по 18 августа 1896 г.

¹³ АВПРИ. Ф. Полиархив. Оп. 482. Д. 772. Л. 12 об. — 13.

¹⁴ Там же. Д. 778. Л. 22 об. — 23.

¹⁵ Там же. Д. 771. Л. 21.

дипломатов в Хиджазе, и господствовавших там нравах, которые не менялись в течение долгого времени.

Местные власти считали, что нападавшие, которым удалось скрыться, подобным образом выразили свое недовольство карантинными мероприятиями против холеры (донесение секретаря консульства Ф.Ф. Никитникова от 5 июня 1895 г.). Подстрекаемое шейхами племен местное арабское население думало, что те «выпускают из пузырьков лекарство и производят окуривание, от чего мрут бедуины и хаджи»¹⁶.

Испытывая ненависть к «злодеям в белых халатах», бедуины разрушили в Мекке «помещение и заключавшийся в нем дезинфекционный аппарат и искали карантинных врачей, скрывшихся в меккских крепостцах». Консульство информировало, что этим событиям предшествовало недовольство местных торговцев и бедуинов запретом на продажу на рынке арбузов и дынь, «сопровождавшееся насилием над меккскими врачами»¹⁷.

В то же время консульство полагало, что если причиной нападения было стремление отомстить «злодеям», то логичнее было бы набрасываться не на дипломатов, среди них был всего лишь один медик (лекарь, как в ту пору официально называли врачей, и он же секретарь консульства Ф.Ф. Никитников), а на группу врачей, которые обычно, как и сотрудники иностранных миссий, также прогуливались вместе, только по другим маршрутам. Поэтому выдвигалась версия, что причиной нападения было на самом деле «желание враждебных Шарифу лиц доставить ему неприятности», а не ненависть к медикам. Встревоженный инцидентом Никитников, анализируя ситуацию, находил странным, что буквально перед нападением «город был оставлен при малом составе войск», а каймакама, который не хотел ехать в хадж, вали вызвал в Мекку. Секретарь сетовал на отсутствие достоверной информации, называя этому во все времена привычные для российских чиновников за рубежом причины: «Обыкновенные сведения и те неохотно сообщаются близко стоящими к Консульству лицами вследствие незначительности получаемого содержания» и «вследствие боязни каких-либо других для себя последствий» (донесение секретаря консульства от 5 июня 1895 г.)¹⁸.

Обо всем этом информировал свое начальство в Джидде консульский драгоман Шакирзян Ишаев, который будто бы слышал, что правитель расположенного в Центральной Аравии эмирата Джебель-Шаммар (что переводится как «Горы [племени] шаммаров») со столицей в г. Хаиль Мухаммад бин Абдалла Ааль Рашид (Ибн Рашид)¹⁹ «послал в Медину своих старшин с требованием от вали изгнания из святой земли всех неверных» (донесение от 14 июня 1895 г.)²⁰.

Драгоман подробно описал нападение местных жителей на холерную больницу: они разломали аптеку, ценные вещи и посуду унесли, а больных вытащили за ноги. Кроме того, он отмечал, что некие «неблагоденные лица» после нападения на консулов

¹⁶ Там же. Л. 51–51 об.

Писавший позднее об этих событиях секретарь российского консульства Михаил Эрастович Никольский (см. о нем: *Наумкин В.В.* Русский дипломат в вилаете исламских святынь в начале XX века // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 1 (38). С. 229–260.) сообщал, что действующими лицами разрушения дезинфекционной камеры и убийства английского вице-консула, которого они считали виновником ее учреждения, были люди «наиболее фанатичные, взвинченные нелепыми слухами, что в камере будут сжигать голых (!) женщин, но движение имело чисто экономическую подкладку, так как мекканцы боялись, что от учреждения камеры уменьшится количество богомольцев, а следовательно и их доходы». — *Никольский М.Э.* Паломничество мусульман в Мекку // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. Том СХХIV. СПб., 1911. С. 282.

¹⁷ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 771. Л. 51 об. — 52.

¹⁸ Там же. Л. 53 об.

¹⁹ Этот эмират существовал на полуострове с 1830 по 1921 г. В 1891 г. эмир Мухаммад захватил город Эр-Рияд, изгнав оттуда саудитов, с которыми они постоянно вели борьбу, но в 1902 г. Ибн Сауд вернул себе город, а в 1921 г. установил полный контроль над землями эмирата.

²⁰ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 771. Л. 57.

стали распространять среди паломников слухи «о возможности неполучения депозитов» из российского консульства, и только в ходе трудных переговоров с ташкентскими старшинами паломников Шакирзяну удалось уговорить их не забирать сданные ими туда деньги.

Данные сообщения свидетельствовали об интригах против российского консульства, в которых, в частности, принимали активное участие ставшие турецкими подданными выходцы из мусульманских областей Российской империи и ее среднеазиатских протекторатов — Бухары и Хивы. Турецкие власти увидели в нападении на консулов симптом арабской мятежности и решили проучить племена испытанным способом. Они арестовали более 300 бедуинов из племени харб, в том числе одного из главных шейхов. Помимо этого, всем купцам Хиджаза запретили продавать бедуинам рис, муку и другие продукты в пределах городской черты. Русское консульство, информируя об этом российско-императорское посольство в Константинополе, отмечало, что неожиданный арест бедуинов и запрещение продажи продовольствия объяснялись «желанием властей иметь на всякий случай заложников и совместно с голодом побудить бедуинов к выдаче виновных в нападении лиц» (донесение от 27 ноября 1895 г.)²¹.

Однако предпринятые меры не снизили напряженности в отношениях между местными племенами и турецкими властями. В Джидде повысились цены на продовольствие, топливо и на наем верблюдов. Консульство сообщило, что бедуины, живущие в окрестностях одного из расположенных неподалеку городков, «потребовали очищения турками этого города»²², из-за чего туда было направлено подкрепление, а мекканский и джиддинский гарнизоны были усилены.

Положение в Хиджазе в тот период оценивалось российским консульством как опасное для турок, тем более что враждебное отношение к ним бедуинов приобрело более острый характер. Возросло и недовольство племен Шарифом. Это сказывалось на отношении ко всем иностранным представителям в вилайете. Имели значение любые мелочи, которые могли спровоцировать инциденты, например как были одеты иностранцы.

С учетом усилившегося внимания российских дипломатов к внутривластной ситуации в Хиджазе, Никитников детально передавал личное свидетельство о бедуинском бунте Ишаева, как раз в это время совершавшего вместе с женой хадж: «Отправившись из Мекки на Арафат... и проезжая по городскому предместью Мекки, я видел, что около десяти человек с большими усилиями разламывали стены здания, в коем помещался дезинфекционный аппарат; крыша со здания была уже снята; двери и окна оторваны; из среднего помещения возвышалась только труба, а сама камера лежала на полу. Около здания валялась масса разорванной бумаги...

По возвращении с Арафата, на месте вышеуказанного здания для дезинфекции я видел только груды развалин, труба же была выброшена на дорогу, и на нее была навалена куча камней, из-под которых виднелись только концы ее» (донесение от 14 июня 1895 г.)²³. Драгоман описывал и нападение бедуинов на помещения почты и телеграфа в Мине: «Распространился слух, что между Меккой и Джиддой восстали арабы, ограбили почту, оборвали телеграфную проволоку и убивают и грабят проезжающих». Нападение, в ходе которого был ранен Брандт, очень напугало драгомана, волновавшегося еще и за безопасность своего семейства. «В случае каких-либо неприятностей надеяться на охрану и содействие турецких властей нельзя было и думать, так как турки и сами здесь едва держались, потакая самовольству и грабительским наклонностям арабов»²⁴. А в Мекке, где нельзя было, как и в Джидде, получить защиту со стороны консульства

²¹ Там же. Л. 60 об.

²² Там же.

²³ Там же. Л. 56—58.

²⁴ *Ишаев Ш.* Мекка, священный город мусульман. Рассказ паломника // Средне-Азиатский вестник. Ташкент, декабрь 1896. С. 80—81.

и стоявших на рейде Джидды английских и французских военных судов, находиться было особенно опасно. Драгоман отмечал, что в пустынной местности по дороге между Меккой и Мединой погибало особенно много паломников, отчасти «от грабежей арабов, отчасти от причин весьма таинственного, загадочного свойства»²⁵. Нетрудно заметить, что бедуинская вольница вызывала у российского мусульманина устойчиво негативную реакцию, и во время всякого рода беспорядков его симпатии были не на стороне местных арабов, хотя доставалось от него и своим соплеменникам, и туркам. Описывая свой испуг призывами извозчика во время стояния на Арафате «истреблять презренных кяфиров», он писал: «Что я мог сделать один среди десятков полудиких, фанатизированных людей именно на Арафате, где, естественно, религиозный фанатизм среди паломников возбуждается более, чем в другом месте... Достаточно кому-нибудь в шутку крикнуть: вот консул-урус!, чтобы меня разорвали на клочки... Не говоря уж о местных диких арабах, даже и наши паломники, вступив на землю Геджаса, немедленно превращаются в самых ярых мусульман, полных ненависти ко всему европейскому и христианскому... Кто мог мне оказать здесь защиту? Во всяком случае, не турки и не турецкий вали, который не мог отстоять от фанатичной толпы арабов даже свой невинный дезинфектор, разрушенный ими у него на глазах». Еще больший страх претерпели драгоман с женой, когда к его палатке вдруг направилась группа возбужденных вооруженных бедуинов, в которых Ишаев заподозрил «своих палачей» (как выяснилось, они всего лишь искали пропавшего верблюда). Он вспоминал: «Все то хорошо, что хорошо кончается, но, тем не менее, это так напугало нас с женой, что она заболела скоротечной чахоткой и вскоре умерла»²⁶. Надо сказать, что для российских представителей, побывавших в те времена в Хиджазе, особенно из числа мусульман, столь неприязненное отношение к местному населению было исключительно редким.

АКТИВНОСТЬ ДИПЛОМАТОВ И ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ

Не только отношения между коренным населением вилайета и турецкими властями, но и противоборство Великобритании и Турции в Аравии были объектами весьма пристального интереса со стороны российских дипломатов, одной из задач которых был сбор развединформации, а прежде всего военных представителей. В штате русского посольства в столице и российских консульств в вилайетах Османской империи работали сотрудники военной разведки — офицеры Главного штаба, получавшие на время командировки для прикрытия гражданский ранг. Военные агенты, как их тогда было принято называть, в том числе негласные, как правило, становились надворными, иногда коллежскими советниками²⁷ и занимали различные должности в консульствах, к примеру вице-консулов. Бывший сотрудник военной разведки полковник К.Н. Смирнов²⁸ в написанных в Тбилиси в 1937 г. и хранящихся сегодня в одном из архивов Грузии

²⁵ Там же. С. 82.

²⁶ Там же. С. 74–75.

²⁷ Надворный советник — гражданский чин 7-го класса «Табели о рангах», соответствовавший военным чинам подполковника в армии и капитана II ранга во флоте. Коллежский советник — гражданский чин 6-го класса, соответствовавший военным чинам армейского полковника и флотского капитана I ранга.

²⁸ Смирнов, Константин Николаевич — русский и советский военный разведчик, до революции был сотрудником Разведывательного отделения штаба Кавказского военного округа, с 1907 г. — воспитателем Солтан Ахмад-Мирзы, наследника шахского престола в Иране, служил также в Турции, после революции был военным переводчиком при Штабе Красной Армии в Грузии, затем — преподавателем восточных языков при информационном отделении Разведывательного отдела штаба Красной Армии. Говорил, что оставался последним «из прежнего интеллидженса». Его воспоминания изложены на 86 архивных листах в трех советских ученических тетрадах. В 1938 г. был репрессирован.

весьма ярких воспоминаниях «“Интеллидженс” Кавказского фронта в период 1878–1918 годов»²⁹ раскрывал кухню работы русских разведчиков на Ближнем и Среднем Востоке. Он, в частности, следующим образом характеризовал работу военного агента в генеральном консульстве в Эрзеруме: тот должен был подчиняться генконсулу (обычно в ранге статского или действительного статского советника³⁰), но по обыкновению с ним ссорился, а уж если в управление консульством временно вступал первый секретарь, то тут «дело совсем уже осложнялось». При этом турки знали, что этот дипломат являлся офицером Генерального штаба. «Такой агент не назывался тайным военным агентом, а лишь “негласным”... У такого агента был отдельный драгоман и отдельный кавас (телохранитель, носильщик. — В.Н.)»³¹.

Рассказывая о работе этой резидентуры, Смирнов сообщал, что «у эрзерумского военного агента на содержании было не менее двух десятков подкупленных личностей, получавших постоянные жалованье — несколько золотых лир в месяц. То время было эпохой султана Абдул-Хамида в Турции: не было здорового патриотизма, было глухое общее недовольство, необеспеченность, бедность и даже нищета в служилом люде... Все это было использовано нашей агентурой с большими результатами». И еще несколько любопытных штрихов о кабинете военного агента: окна «занавешивались черными занавесками, чтобы с улицы не было видно, что ночью в комнате горел свет». Дело в том, что вечером приносились пакеты с документами, перехваченные на почте и телеграфе. Военный агент с драгоманом всю ночь снимали с них копии, а утром драгоман возвращал вновь запечатанные оригиналы, которые передавались по назначению. «Так как военные агенты не знали турецкой письменности (замечу: среди них в разных консульствах попадались и настоящие знатоки восточных языков. — В.Н.), то они механически срисовывали буквы на восковку». Описание Смирнова ярко передает все трудности фактически ручной работы разведчиков. Разве что «пробовали прибегать к фотографии, но тогда фотография не давала еще надежной и быстрой без отказа работы»³².

Но вернемся вновь к Аравии. 6 апреля 1901 г. российский генеральный консул в Багдаде сообщал в секретной телеграмме, которая ввиду ее важности была сразу переправлена министром иностранных дел военному министру А.Н. Куропаткину³³, о выступлении в Басру VI Багдадского корпуса турецкой армии с целью овладеть Кувейтом³⁴. В связи с этим сообщением курировавший разведку российский Главный

²⁹ Смирнов К.Н. «Интеллидженс» Кавказского фронта в период 1878–1918 годов. Черновая рукопись // Архив Национального центра рукописей Грузии. Личный фонд К.Н. Смирнова. 1937. Ф. 39. Д. 37. См. также: Тер-Оганов Н.К. Из истории разведки ШКВБ в Турции и Иране (1870–1918). К истории разведывательной деятельности негласных военных агентов Штаба Кавказского ВО в Турции и Иране (1870–1918 гг.). Saarbrücken, 2015. С. 162–261.

³⁰ Статский советник — гражданский чин 5-го класса «Табели о рангах», соответствовавший военным чинам армейского бригадира и капитан-командора флота. Действительный статский советник — гражданский чин 4-го класса, соответствовавший военным чинам генерал-майора армии и контр-адмирала флота.

³¹ Смирнов К.Н. Указ. соч.; Тер-Оганов Н.К. Указ. соч. С. 199.

³² Смирнов К.Н. Указ. соч.; Тер-Оганов Н.К. Указ. соч. С. 200.

³³ Куропаткин, Александр Николаевич (1848–1925) — российский государственный и военный деятель, генерал-адъютант с 1902 г., военный министр Российской империи (1898–1904 гг.), главнокомандующий всеми сухопутными и морскими силами, воевавшими против Японии в 1904–1905 гг., член Государственного совета с 1906 г. Внес большой вклад в основание военной разведки, создатель контрразведки. С 1916 г. — командующий 5-й армией Северного фронта, главнокомандующий армиями этого фронта, Туркестанский генерал-губернатор и командующий войсками Туркестанского военного округа. После Октябрьской революции до конца жизни оставался в России, жил и преподавал в селе Шешурино Тверской области, рядом с которым, у церкви в Наговье, был похоронен. Его единственный сын Алексей был расстрелян в 1920 г.

³⁴ РГВИА. Ф. 444. Д. 23. Л. 3.



Автор статьи у могилы А.Н. Куропаткина

штаб³⁵ пояснял, что кувейтский шейх Мубарак³⁶, находившийся во вражде с правителем Джебель-Шаммара Абдель Азизом бин Рашидом (он наследовал упоминавшемуся выше эмиру Мухаммаду в 1897 г.), после ряда успехов, в том числе временного занятия рашидидской столицы Хаиля, потерпел серьезное поражение. Турецкое правительство, как считали военные, намеревалось воспользоваться ослаблением Мубарака для овладения Кувейтом,

³⁵ Главный штаб — в то время высший орган управления вооруженными силами в рамках военного министерства Российской империи, он также ведал, в частности, Николаевской академией Генерального штаба, Военно-топографическим училищем и Офицерским курсом восточных языков при Азиатском департаменте МИД России. Генеральный штаб был выделен в качестве самостоятельного органа только в 1905 г.

³⁶ Шейх Мубарак ас-Сабах, седьмой правитель Кувейта (1896—1915 гг.).

который был важен «как выход в море проектированного Багдадского железнодорожного пути»³⁷. Таким образом, российское военное ведомство уже в самом начале столетия отмечало, что борьба за Кувейт в то время приобрела довольно острый характер. Российская империя в определенной мере втягивалась в эту борьбу, о чем свидетельствовал рейд российских военных и торговых кораблей в Персидский залив в самом начале XX в.

В донесении русского военного агента от 11 апреля 1901 г. сообщалось, что кувейтский правитель шейх Мубарак «подготавливал в последнее время план уступки русскому правительству береговой полосы у г. Кувейта для устройства угольной станции в Кувейтской бухте»³⁸. А надо заметить, что устройство угольной станции в те времена рассматривалось как серьезный шаг к установлению влияния или даже колонизации. Однако России не удалось переиграть англичан.

В середине января 1904 г. в Медине начались бурные протесты местных жителей во главе с городскими нотаблями (а'йан) против действий турецкого наместника и командира расквартированных здесь армейских подразделений Османа-паши. Жители были возмущены решением последнего обложить их налогом, что, как они считали, противоречило привилегии, которую султан даровал горожанам, — быть освобожденными от любых поборов. Офицеры гарнизона отказались помогать властям в усмирении бунта, и войска все это время оставались в казармах. Самому Осману-паше едва удалось избежать грозившей ему гибели от рук взбунтовавшихся граждан.

Как доносил российскому послу в Константинополе 21 июля 1904 г. консул в Джидде Владимир Владимирович фон Циммерман, организаторами и руководителями беспорядков были городские нотабли Мансур-думли, Яхья Дефдердар, шейх аль-муфати (глава муфтиев) Эмин Берденджи и другие, всего около 60 человек, на которых власти и возлагали вину за беспорядки. Предполагательно, эти люди хотели отомстить мединскому наместнику за намерение «продать смерти многих из их среды по составленному заранее списку при помощи подкупленных Османом-пашой бедуинов племени харб»³⁹. Когда турецкому командиру удалось спастись от расправы, предводители бунта пришли на местный телеграф, заставили сотрудника связать их с Константинополем и потребовали, чтобы с ними говорил сам султан. Когда к аппарату подошел великий визир, они стали в довольно грубой форме настаивать на своем, но затем все же озвучили свое требование — сместить Османа-пашу. Бунтовщики добавили, «что если их претензия не будет удовлетворена, то они сами его низложат, а если это не удастся, то обратятся за помощью к британскому правительству и объявят себя подданными Англии»⁴⁰.

Неудивительно, что российские дипломаты в Джидде предполагали, что эти чрезвычайные для Хиджаза происшествия вызваны интригами британского правительства. Предположение казалось самому консулу тем более правдоподобным, что беспорядки совпали по времени с поездкой в Медину британского вице-консула доктора Мухаммеда Хусейна. Его направил в город консул Великобритании в Джидде в связи с делом об ограблении бедуинами в сезон минувшего хаджа на пути из Мекки в Медину «владельницы» (бегум) индийского княжества Бхопал⁴¹. В пользу сделанного предположения говорило и то, что поднявшие бунт жители Медины были вооружены скорострельными ружьями, которые попали туда контрабандным путем через Джидду. Консул сообщал,

³⁷ РГВИА. Ф. 444. Д. 23. Л. 4.

³⁸ Там же.

³⁹ АВПРИ. 1904 г. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 778. Л. 2 об. — 3.

⁴⁰ Там же. Л. 3—3 об.

⁴¹ Бхопал — в то время княжество в центральной части Британской Индии, второе по величине мусульманское образование вплоть до независимости. С 1819 по 1926 г. им управляли женщины. С 1956 г. г. Бхопал — столица штата Мадхья-Прадеш. 3 декабря 1984 г. в г. Бхопал на принадлежащем американской корпорации химическом заводе произошла крупнейшая в современной истории техногенная катастрофа, жертвой которой пало около 18 тыс. человек.

что за последние шесть лет таких ружей было привезено в Джидду более 70 тыс., о чем консульство уже сообщало в прошлых депешах. Контрабандные ружья продавались на городских рынках почти открыто, кроме того, там можно было купить старые ружья, переделанные в Европе на систему Маузера. Цены были до смешного низкие — в пересчете на кредитные рубли от 4,8 до 8. Посредником в контрабанде выступал английский торговый дом Gelatly Hankey & Co, которому помогал шейх местных лодочников — араб по имени Хамбадад. В результате, как консул писал послу, «помянутый старшина лодочников, пользуясь столь безграничным доверием и благосклонностью к нему Али Юмни-бея, еще беззастенчивее предается своей преступной деятельности»⁴².

Исходя из предположения, что за угрозами стабильности в регионе стояла Великобритания, в усилении позиций которой Россия, естественно, не была заинтересована, фон Циммерман неоднократно пытался привлечь к проблеме нелегальных поставок стрелкового оружия и его едва ли не бесплатной раздачи, либо продажи за символическую цену, бедуинам внимание каймакама⁴³ Медины Али Юмни-бея, но безрезультатно. Консул также обращал внимание российского посла в Константинополе на то, что контрабанда оружия использовалась Лондоном как средство достижения его политических целей. По его мнению, англичане как в Йемене, так и в Хиджазе готовили население к восстанию против турецкой власти, чтобы облегчить возможность «утвердить свое господство»⁴⁴, что означало перспективу контроля над величайшими мусульманскими святынями.

ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ

В рапорте № 5 от 18 января 1905 г. российский военный агент в Константинополе подполковник Алексеев сообщал в Главный штаб по VII отделению: «Как известно, во главе арабских шейхов, отстаивающих свою независимость от посягательств турок, стремящихся к господству в центральной части Аравии, стоит шейх Ибн Сауд, успевший укрепиться в области Эль-Касыма, составляющей северную окраину Неджда. С целью распространения своего господства и влияния в стране он, по предположению турок, стремится овладеть священным для мусульман городом Мединой, для чего будто бы вошел в тайные сношения с руководителями недавно вспыхнувшего в этом городе восстания»⁴⁵. При этом информация о движении саудитов уже не впервые поступала российскому военному командованию.

По данным Алексеева, вскоре для умирения Ибн Сауда из Басры в Эль-Касым отправилась турецкая военная экспедиция, которая «после тяжких испытаний и поражений спаслась от гибели только благодаря помощи, оказанной ей Ибн Рашидом», после чего ей пришлось предпринять новый широкомасштабный поход против Ибн Сауда⁴⁶.

Позднее, в середине октября, назначенному на должность командира VI Багдадского корпуса турецкой армии муширу⁴⁷ Ахмеду Фейзи-паше для восстановления порядка было предписано двинуться к Эль-Касиму (в северной части Неджда, между Хаилем и Кувейтом) с поступившим в его распоряжение 20-тысячным контингентом низама (регулярной армии). В корпусном округе были созданы редифы (резервисты, набираемые из числа тех, кто отслужил в армии, и регулярно проходившие переподготовку на сборах). Из константинопольских складов муширу отправили винтовки Маузера и несколько пушек. К его контингенту должны были присоединиться еще четыре-пять батальонов из Медины.

⁴² АВПРИ. 1904 г. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 778. Л. 3—3 об.

⁴³ Каймакам — заместитель, управитель уезда, или подокруга (каза), — административно-территориальной единицы в Османской империи (использовался также термин каймакамлык).

⁴⁴ АВПРИ. 1904 г. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 778. Л. 5.

⁴⁵ РГВИА. Ф. 444. Д. 23. Л. 7.

⁴⁶ Там же. Л. 7 об.

⁴⁷ Маршал, высший воинский чин в турецкой армии.

Однако после осеннего выступления турецких сил под командованием опытного Фейзи-паши ситуация внутри его отряда быстро обострилась. «Начались массовые побеги и грабежи; два батальона целиком дезертировали, один из них перешел на сторону Ибн Сауда, а другой отправился в Кувейт предложить свои услуги англичанам» (по донесениям военного агента в Константинополе)⁴⁸. Понятно, что эти дезертиры были местными арабами. В целом для турок обстановка была критической. Основываясь на данных российской военной разведки, Главный штаб в сводном обзоре от 26 марта 1905 г. «Волнения в Аравии», подписанном генерал-майором А.А. Поливановым⁴⁹, отмечал низкий моральный дух солдат и даже офицеров: «солдаты, убежденные в дурном исходе ее, стали дезертировать еще до выступления в поход, и даже офицеры подавали прошения об отставке; вьючных животных было недостаточно, так как арабы, у которых их можно бы найти, удалились»⁵⁰. Это Алексеев объяснял исключительно неблагонадежностью войска и низкими качествами самого корпусного командира, а также недостатком средств вилайета для снабжения экспедиции всем необходимым. Действия же Ибн Сауда были настолько успешными, что туркам пришлось даже приостановить отправку экспедиции. Султан вернулся к своему прежнему решению лишь по настойчивому ходатайству мекканского Шарифа, который считал Ибн Сауда, равно как и шейха Кувейта Мубарака Ас-Сабаха, «непримиримым врагом Турции и орудием английской политики»⁵¹. Параллельно с войсками мушира в Медину было решено двинуть еще несколько батальонов.

Хотя российский военный агент не комментировал утверждение об английских связях Ибн Сауда, он постоянно сообщал о поддержке его движения англичанами. В какой-то мере этого же мнения придерживались и российские дипломаты, служившие в императорском консульстве в Джидде, они иногда даже путали Ибн Сауда с Мубараком. Косвенно в пользу английских связей с недждийским вождем свидетельствовала его поддержка Мубараком, находившимся под покровительством Англии. Алексеев приводил несколько фактов, свидетельствовавших о заинтересованности Англии в антитурецком восстании в Аравии, что в принципе вряд ли можно было подвергнуть сомнению. В частности, англичане отправили в Персидский залив в дополнение к двум постоянно находившимся там военным кораблям еще два. Как доносил военному агенту его постоянный источник из ближайшего окружения турецкого вали Басры, поездка в Кувейт английского капитана с тремя чиновниками «имела целью расширение владений кувейтского шейха и изыскание средств помочь шейху Ибн Сауду в его борьбе с турками»⁵². Английские должностные лица отправились в Басру, а затем в Багдад, где заявили о своем желании посетить Неджд, но в этом им было отказано.

После 15-дневного похода сильно ослабленным дезертирством и потерявший верблюдов отряд мушира дошел до колодцев Вахиса в шести переходах к югу от Неджефа⁵³ и остановился. Ахмед Фейзи-паша запросил инструкций у военного министерства.

⁴⁸ РГВИА. Ф. 444. Д. 23. Л. 67 об.

⁴⁹ Поливанов, Алексей Андреевич (1855–1920) — известный российский, затем советский военный деятель. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в январе–июне 1905 г. — второй генерал-квартирмейстер (куратор разведки), с июня 1905 по февраль 1906 г. — исправляющий должность начальника, в феврале–апреле 1906 г. — начальник Главного штаба, с 1906 г. — генерал-лейтенант, с 1911 г. — генерал от инфантерии, в 1912–1917 гг. — член Государственного совета, в 1915–1916 гг. — военный министр. Принял Октябрьскую революцию, с февраля 1920 г. служил в РККА, был членом Военно-законодательного совещания при Реввоенсовете, членом Особого совещания при Главкоме. Похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры вместе с единственным сыном Александром, офицером Русской императорской армии, погибшим на фронте в 1914 г.

⁵⁰ РГВИА. Ф. 444. Д. 23. Л. 67.

⁵¹ Там же. Л. 7.

⁵² Там же. Л. 11 об.

⁵³ Священный город в современном Ираке, к югу от Багдада, где находится одна из главных шиитских святынь, объект массового паломничества — гробница Али бин Аби Талиба, двоюродного брата и зятя пророка Мухаммада.

Но умелый тактик Ибн Сауд, не желая идти на неоправданный риск, повел хитрую игру с турками. Он «с многочисленными своими приверженцами» прибыл в Басру и испросил свидание с местным вали. Русская военная разведка через свою агентуру узнала о содержании телеграммы, отправленной басрским вали в Константинополь: он информировал о результатах встречи с Ибн Саудом. Недждийский вождь «уверял в своей преданности султану, просил об отмене принятой против него экспедиции и, в случае согласия на свою просьбу, предлагал снабдить турецкий отряд всем необходимым для возвращения в Басру» (рапорт от 12 февраля 1905 г.)⁵⁴. При этом Ибн Сауд «просил обратить внимание на происки Джебель-Шаммарского шейха Ибн Рашида», которого он считал виновником затеянной против него турецкой кампании. Проявляя разумную осторожность, опытный Ибн Сауд отклонил присланное ему от имени султана приглашение прибыть в Константинополь для объяснений. По мнению российского посла в Константинополе, султан одновременно и хотел помириться с Ибн Саудом, и опасался оскорбить этим своего верного сторонника рашидидского шейха.

Во второй половине февраля Ибн Сауд вновь обратился к султану с просьбой о помиловании, «выражая согласие на утверждение турецкой власти в его области Аль-Касyme» (рапорт от 20 марта 1905 г.)⁵⁵. Султан предписал басрскому вали объявить Ибн Сауду о помиловании и о том, что отряд Фейзи-паши направлен в Аль-Касым для утверждения там турецкой власти, так же как и другой отряд в Медину. В то время действия недждийского вождя против Ибн Рашида, писал агент, «побудили султана усомниться в искренности уверений Ибн Сауда». Поэтому планы проведения военной экспедиции остались прежними. 27 февраля 1-й, 2-й и 4-й батальоны 40-го пехотного полка, расквартированные в Медине, получили приказ двинуться в Аль-Касым⁵⁶.

После того, как Ибн Сауд «проявил полную готовность подчиниться вали султана», мушир привел его к присяге и вверил ему управление Аль-Касымом с прилегающими областями, объединенными под общим названием «Риад»⁵⁷. По мнению военного агента, мушир был вынужден ограничиться этой мерой, получив от Ибн Сауда гарантии поддержания порядка. Однако шейх Мубарак продолжал снабжать Ибн Сауда оружием, что не способствовало стабильности положения. Не менее шатким было оно и в Хиджазе, где продолжало шириться недовольство. Агент сообщал, что турецкие войска в Хиджазе «терпят во всем нужду».

По донесению военного агента, удачливому командиру Фейзи-паше удалось занять Буреиду и Анейзу, после чего он поехал в Медину, а оттуда через Джидду переправился в соответствии с новым назначением в Йемен⁵⁸.

Штаб КВО продолжал развивать неоднозначную тему «узурпации священной власти халифов» царствующим турецким султаном, в то время как «истинный халиф — потомок Магомета — находится среди арабов» (секретный доклад второму генералквартирмейстеру Главного штаба по VII отделению от 28 июля 1905 г. за подписями начальника штаба и старшего адъютанта)⁵⁹. Для осторожности штабисты сообщали об этом, ссылаясь на мнение надворного советника Аверьянова, который свои умозаключения выстраивал, опираясь на распространяемые среди турецких мусульман английские прокламации на турецком языке.

В рапорте от 12 декабря 1905 г. Алексеев, теперь уже полковник Генерального штаба, опять сообщал о создании в Аравии нового образования — то ли вилайета, то ли мутесаррифлыка⁶⁰ Аль-Касыма. Позднее, 17 марта 1906 г., Алексеев информировал, что маленький

⁵⁴ РГВИА. Ф. 444. Д. 23. Л. 17 об.

⁵⁵ Там же. Л. 23.

⁵⁶ Там же. Л. 26.

⁵⁷ Там же. Л. 41.

⁵⁸ Там же. Л. 79.

⁵⁹ РГВИА. Ф. 444. Д. 23. Л. 82.

⁶⁰ Территориально-административная единица второго уровня, входивший в вилайет округ. Некоторые мутесаррифлыки в Османской империи получали автономный статус, близкий к статусу вилайета.

в недавнем прошлом турецкий отряд был опять увеличен и доведен до 10 батальонов. Благодаря успешной агентурной работе и анализу открытой информации Главный штаб точно знал, откуда именно были направлены войска на укрепление этого гарнизона.

Передвижения турецких войск интересовали Петербург не столько ввиду самозначимости для России положения в Аравии, сколько опять же в плане возможности возникновения нового военного конфликта между ней и Портой. В штабе пришли к выводу, что войска V и VI корпусов, которые в случае войны с Россией, «несомненно, будут двинуты к Закавказью», из-за необходимости удержания ситуации в Западной Аравии под контролем окажутся «значительно ослабленными в своем составе»⁶¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Российские дипломаты, и особенно военная разведка, прогнозировали возможность новых обострений обстановки в Западной и Центральной Аравии. Так, Ибн Сауд при первом удобном случае мог снова поднять восстание, особенно если усилится «арабское движение» в соседней с Недждом Хиджазской провинции. В своих прогнозах военные аналитики шли еще дальше, во многом выдавая желаемое за действительное. Они утверждали, будто бы арабские волнения вообще грозили принять характер всеобщего движения арабов с целью освобождения от турецкого владычества. Арабы действительно восстали, только это произошло не так скоро, как прогнозировали некоторые российские гражданские и военные дипломаты. Что же касается российско-турецких отношений, то признаки приближающегося столкновения между двумя державами довольно четко просматривались через призму аравийской действительности, где важную роль играл религиозный фактор, не говоря уже о далеко идущих планах определенных кругов политической элиты и в Петербурге, и в Константинополе, хотя до Первой мировой войны оставалось еще несколько лет. За это время предстояло создание Антанты с участием России, заключение русско-английского соглашения 1907 г., должны были свершиться младотурецкая революция 1908 г., балканские войны 1912–1913 гг. и многое другое. Пока даже Россия не была заинтересована в дестабилизации ситуации в Османской империи. При этом в эволюции российского внешнеполитического курса в ближневосточном регионе в рассматриваемый период проявлялось влияние противоборства различных групп петербургских политических элит, ориентированных на разные зарубежные центры силы и оказывающих непосредственное влияние на формирование российской внешней политики.

Отношения России с мировыми и региональными державами на Ближнем Востоке в то время были составной частью сложного геополитического, зачастую маятникового, маневрирования между многочисленными глобальными и региональными центрами силы. Именно таким путем, в частности, развивались и российско-британские отношения в регионе: они переживали взлеты и падения, но, как показывают исследованные в статье документы, недоверие и соперничество все же были их постоянными неотъемлемыми характеристиками.

Библиография

Ишаев Ш. Мекка, священный город мусульман. Рассказ паломника // Средне-Азиатский вестник. Ташкент, декабрь 1896. С. 45–83.

Наумкин В.В. Русский дипломат в вилайете исламских святынь в начале XX века // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 1 (38). С.229–260.

Никольский М.Э. Паломничество мусульман в Мекку // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. СПб., 1911. Т. СХХV. С. 603–638.

Смирнов К.Н. «Интеллидженс» Кавказского фронта в период 1878–1918 годов. Черновая рукопись // Архив Национального центра рукописей Грузии. Личный фонд К.Н. Смирнова. 1937. Ф. 39. Д. 37.

⁶¹ РГВИА. Ф. 444. Д. 23. Л. 109.

Тер-Оганов Н.К. Из истории разведки ШКВО в Турции и Иране (1870–1918). К истории разведывательной деятельности негласных военных агентов Штаба Кавказского ВО в Турции и Иране (1870–1918 гг.). Saarbrücken, 2015.

References

Ishaev Sh. Mekka, svyashchennyj gorod musul'man. Rasskaz palomnika [Mecca, the sacred city of the Muslims. The story of the pilgrim] // Sredne-Aziatskij vestnik. Tashkent, dekabr' 1896 [Middle-Asian Bulletin. Tashkent, December 1896]. P. 45–83. (In Russ.)

Naumkin V.V. Russkij diplomat v vilajete islamskih svyatyh v nachale XX veka [Russian diplomat in the vilayet of Islamic Holiest Sites in the beginning of the 20th century] // Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom. [State, religion, Church in Russia and abroad]. 2020. № 1 (38). P. 229–260. (In Russ.)

Nikolskiy M.E. Palomничество musul'man v Mekku [The Muslim pilgrimage to Mecca] // Istoricheskiy Vestnik. Istoriko-Literaturniy Zhurnal [Historical Bulletin. Historical and literary magazine]. Sankt-Peterburg, 1911. Vol. CXXV. P. 603–638. (In Russ.)

Smirnov K.N. "Intellidzhens" Kavkazskogo fronta v period 1878–1918 godov. Chernovaya rukopis' ["Intelligence" of the Caucasian Front in the period of 1878–1918. Draft manuscript] // Arhiv Nacional'nogo centra rukopisej Gruzii. Lichnyj fond K.N. Smirnova [Archive Of the national center of manuscripts of Georgia. Personal Fund of K.N. Smirnov]. 1937. Fund 39. File 37. (In Russ.)

Ter-Oganov N.K. Iz istorii razvedki SHKVO v Turcii i Irane (1870–1918). K istorii razvedyvatel'noj deyatel'nosti neglasnyh voennyh agentov Shtaba Kavkazskogo VO v Turcii i Irane (1870–1918 gg.) [From the history of intelligence of the Headquarters of the Caucasian Military District in Turkey and Iran (1870–1918). On the history of intelligence activities of covert military agents of the Headquarters of the Caucasian Military District in Turkey and Iran (1870–1918)]. Saarbrücken, 2015. (In Russ.)